

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРА
«ЧЕЛОВЕК-КОМБИНИ»

САЯКА МУРАТА

Перевод Дмитрия Коваленина

18+

ЗЕМЛЯНОИДЫ

Саяка Мурата

Земляноиды

Серия «BRAVE NEW WORLD»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68306158

Земляноиды:

ISBN 978-5-6047181-2-4

Аннотация

Нацуки не похожа на других девочек. У неё есть волшебная палочка и зеркало превращения. Она может быть ведьмой или пришельцем с другой планеты. Вместе со своим двоюродным братом Юу Нацуки проводит лето в диких горах Нагано, мечтая о других мирах. Когда ужасная череда событий угрожает разлучить двух детей навсегда, они дают обещание: выжить несмотря ни на что.

Теперь Нацуки выросла. Она ведёт спокойную жизнь со своим мужем и старается выжить, притворяясь нормальной. Но требования семьи Нацуки растут, её друзья недоумевают, почему она до сих пор не беременна, и тёмные тени прошлого преследуют её. Убегая из пригорода в горы своего детства, Нацуки готовится к воссоединению с Юу. Помнит ли он их обещание? И поможет ли сохранить его?

Содержание

Заводной апельсин из японской «Пятёрочки»	5
Глава 1	13
Глава 2	53
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Саяка Мурата

Земляноиды

CHIKYU SEIJIN

by Sayaka Murata

Original Japanese edition published by SHINCHOSHA Publishing Co., Ltd., Tokyo.

Russian language translation rights reserved by Popcorn Books under the license granted by Sayaka Murata arranged with SHINCHOSHA Publishing Co., Ltd. through The English Agency (Japan) Ltd and Anna Jarota Agency.

© 2018 Sayaka Murata

All rights reserved.

Cover design © by Luke Bird

Cover photos © AMUSE / Легион-Медиа / Illia Uriadnikov / Alamy

Author photo © Bungeishunju Ltd

© Д. Коваленин, перевод на русский язык, 2022

© Д. Коваленин, предисловие, 2022

© Издание, оформление. Popcorn Books, 2022

Заводной апельсин из японской «Пятёрочки»

Предисловие Дмитрия Коваленина

*Попробуй представить, что твой поступок
стал законом природы.*

Иммануил Кант

Мировой успех «Человека-комбини» (2016) – повести, написанной за два года до «Земляноидов», – сыграл с поклонниками творчества Саяки Мураты злую шутку. Едкая повесть-карикатура, гротескная издёвка над Обществом Потребления, столь изящно и скрупулёзно выписанная *с натуры* рядовой продавщицей круглосуточного магазина, привела миллионы читателей по всему миру в экстатический, жизнерадостный восторг.

Нет, сюжетно эти два произведения никак не связаны между собой. Но прежде чем погрузиться в «Земляноидов», очень важно учесть, к каким выводам пришла их создательница к финалу книги предыдущей.

Итак, вспоминаем: героиня «Человека-комбини» с детства не понимает, что такое норма. Никто не отвечает ей на этот вопрос. А её саму все вокруг считают ненормальной. Став студенткой, она устраивается на подработку продавщи-

цей в комбини (японскую «Пятёрочку», по-нашему говоря), где наконец и обнаруживает тот самый Ответ:

Если действовать по чьей-то инструкции, можно хоть всю жизнь успешно изображать «нормального человека» – персонажа, которого на самом деле не существует.

Да, ей уже 36. Она до сих пор не замужем. Но не видит ничего ужасного ни в такой «временной» и бесперспективной работе, ни в своём одиночестве. Сколько бы ни пилили за всё это её же близкие люди – и как бы ни презирали посторонние. Доколе она действует по инструкции, душа её может спокойно спать.

«В каком-то смысле у этой повести счастливый конец, – пишет один из ведущих психиатров Японии, профессор Сатору Сайто. – Кэйко снова начинает работать в комбини. Но не думаю, что это слишком обрадует её читателей. Ведь они замечают: именно её *зацикленность на работе* и определяет пустоту её личной жизни».

«Своей книгой Мурата попала в самое яблочко! – который уж год щебечут на всех языках книжные интернет-блогеры и рецензенты гламурных журналов. – Да кто вообще знает, что такое норма? И какого чёрта мы должны ей следовать?»

Чем больше подобных отзывов попадалось мне на глаза, тем в большее недоумение я впадал. А может, люди мира просто не дочитывают эту книгу до конца? Или не желают примерять подобный финал на себя, ибо сами поступили бы

по-другому?

– А вы сами, Мурата-сан, как считаете: разве такой финал можно считать хеппи-эндом? – спросил я у автора напрямую, как только мне предоставилась такая возможность¹.

От такого вопроса Мурата-сан тут же понимающе заулыбалась.

– Если смотреть на ситуацию через кинокамеру самой Фурукуры-сан, – ответила она, – то для неё это, конечно, очень крутой хеппи-энд. Но читатель смотрит на эту историю через свою камеру. И некоторые японские читатели говорили о последней сцене так: «Ну вот, она снова пойдёт работать – и в итоге снова превратится в “полезный общественный инструмент”». А другие считают: «Нельзя жить как в голову взбредёт» – и убеждены, что именно такой финал для неё самый счастливый. Есть разное понимание счастья, как и разное прочтение этого финала. Лично мне кажется, правы и те и другие... Смотря что чувствует сам читатель. А может даже, наша личная реакция на подобный финал и отражает наше отношение к жизни в принципе?

Ясно одно: в самой Японии «Человека-комбини» восприняли куда серьёзнее, чем за её пределами. И дело не в том, что японские читатели чувствуют тоньше или знают нечто такое, о чём не догадываются иностранцы. Просто эти ино-

¹ «“Человек-комбини”: круглый стол автора и её переводчиков (дайджест)». Виртуальный круглый стол, на котором Саяка Мурата встретила сразу с несколькими переводчиками повести «Человек-комбини». Организован японским культурным фондом Japan Foundation 27.05.21. Доступен на Ютубе.

странцы ещё не читали никаких других её произведений. И пока не знают, что, вообще говоря, считается *нормальным* для вселенной её историй.

Как не знают они и о том, что приведённая выше цитата профессора Сайто взята из прогремевшего на всю Японию научно-медицинского трактата, в котором на примере героини «Человека-комбини» рассматриваются такие «популярные» ныне психические расстройства, как алекситимия и ангедония², при которых человек в глазах окружающих начинает выглядеть если не как зомби из ужастика, то уж точно *не от мира сего*.

Но медицине – медицинско, а у литературы задачи пускай и похожие, но свои.

– Я верю, что в часы настоящего творчества писатель не конструирует роман, а идёт вслед за развитием сюжета. Мне остаётся лишь подбирать слова и писать так, как велит душа, – признаётся Саяка Мурата³. – Писать прозу я начала лет

² Алекситимия (греч. λέξις – «слово», θυμός – «чувства, эмоции») – состояние личности, при котором человек теряет способность к определению и проявлению собственных эмоций, но старается выглядеть нормальным в глазах других. И для этого подавляет в себе любые эмоции вообще. Это спасает его от шока, но подавляет и положительные эмоции: он не может испытывать ни радость, ни воодушевление, его фантазия скукоживается. А уже это состояние называется ангедония (ἀν – отриц. приставка, ἡδονή – «наслаждение») – потеря способности испытывать радость, утрата мотивации к действию, от которого ты раньше получал удовольствие. Развитие ангедонии – важный показатель в диагностике патологической депрессии.

³ Sayaka Murata Interview: A Creature In My Own Right. Интервью Саяки Мура-

в десять. Ещё тогда мне хотелось описывать нашу жизнь так, словно я смотрю на всё глазами инопланетянина. И я обнаружила, что люди – очень странные существа... Например, когда в один ряд стоит много домов, люди с гордостью называют это городом. Но для других животных это всё равно выглядит, к примеру, как вереница человеческих муравейников, то есть, на их взгляд, это всё равно часть матери-природы. Из всех земных созданий только люди отращают себе длинные волосы на голове, зато бреют волосы на всём остальном теле и носят одежду из тканей. В глазах пришельцев из космоса они, наверное, очень странны – даже в сравнении с кошками или собаками... Есть такая японская писательница Риэко Мацуура⁴, во многом я научилась этому взгляду у неё...

Да, теперь, когда мы открываем её «Земляноидов», мы должны быть готовы к тому, что эта повесть будет *ещё экстрамальнее*. И, в отличие от «хохмочек» вокруг прилавка в «Комбини», здесь окажется *нормальным* (для троицы основных героев) и проливать чужую кровь, и нарушать все

ты видеоканалу Louisiana Channel, март 2021.

⁴ Риэко Мацуура (## ###, р. 1958) – японская писательница, автор романов и коротких рассказов. В студенчестве специализировалась на французской литературе, большая поклонница идей Маркиза де Сада и «трубадура парижских трущоб» Жана Жене. В 1994 году награждена премией Юкио Мисимы (1994) за роман «Учебный период Большого П.» (##Р#####, 1993) – о похождениях женщины, чей большой палец на правой ноге превратился в пенис. Лауреат премии Ёмиури (2007) за роман-фэнтези «Собачье тело» (##, 2004), в котором героиня перерождается в собаку, чтобы сожительствовать с любимым псом.

мыслимые и даже немислимые табу – всё дальше и дальше заползая в ту серую зону, где нарушение осточертевших общественных устоев сливается с нарушениями закона, морали, нравственности и так далее – всех тех *норм*, которые сохраняют в человеке человека.

Да, с точки зрения высоколобых эстетов, «Земляноиды» – книга «малоаппетитная». И улитки не ползают по склонам Фудзи, и лягушка не бултыхается в пруд. И погружаться в этот дикий сюжет лучше «на сытую голову»... Но читать почему-то хочется дальше и дальше.

Так почему же? Чем оно всё-таки нас цепляет?

– Я любила размышлять о сути явлений, – словно бы упреждает подобные вопросы Мурата-сан в очередном интервью⁵. – Например, я не понимала, почему родители меня кормят. Мне объясняли: «Это твоя семья, они тебя любят», но я не могла понять этого до конца... Или, скажем, все эти табу. Убийство – это табу, но почему тогда существуют оправданная самооборона и смертная казнь? Ещё в детстве я понимала всю неоднозначность этой проблемы. Инцест или каннибализм – это тоже табу, и я испытывала к ним физическое отвращение, но никак не могла понять, откуда это отвращение происходит... Без писательства мне пришлось бы нелегко. Каждая книга избавляет меня от частички сковывающих меня предубеждений.

⁵ Кимизэ Итáкура, «Как выжить тем, кто не может превратиться в маленькую ведьму?». Сайт «Nippon.com: Современный взгляд на Японию», 04.09.2021.

И ведь что характерно: даже при всех её «срываниях табу», на фоне всех душераздирающих сцен никто из *нормальных* читателей в Японии не сомневается, что главное желание Саяки Мураты – оставаться живой и искренней в её борьбе с предубеждениями, с искажёнными представлениями о том, что такое «нормальность», «обычность» и «справедливость». А кто нам сказал, что эти герои положительные? А ну-ка покажите нам того ребёнка, который, добравшись до ТАКОГО финала, захочет этим «героям» подражать!

Да и с чего мы взяли, что эти трое вообще люди, а не те, за кого себя выдают? А может, они и правда пришельцы, которые в гробу нас всех видали, потому что их звездолёт совершил всего лишь *вынужденную* посадку на планете Земля?

В этом, кстати, ещё один из секретов успеха этого «бытового ужастика»: при всей его кажущейся мистичности он потрясающе реалистичен. Духи предков существуют только на кладбище. Да и где же им ещё быть? А мы, люди, вызываем их только по праздникам поминовения усопших – летом, на огненном фестивале Обон. Или вы никогда не жгли Привечальных Огней?.. Да, покойников наших обычно кремируют, но бывают и исключения. Захотел человек быть похороненным – так и быть, выкопают ему яму в земле, пускай покоится там годами, раз ему так хочется, пока от него не останется только дырка, в которую иногда проваливается земля... хотя и не всегда... и не только земля, но и...

Да, эти странные ребята говорят, что они инопланетяне. Но разве никому из нас никогда не казалось, что весь мир — лишь фабрика по производству людей, а он сам — пришелец с другой планеты? Всё, буквально всё в этой повести происходит в *нормальных* рамках узнаваемого, *земляноидного* мира. Для экранизации которого даже никакая компьютерная графика не нужна. Всё, что нужно для такой почти документальной съёмки, под силу *нормальным* театральным бутафорам...

Ещё и поэтому, судорожно дочитав последнюю страницу, мы выдыхаем даже не столько от ужаса происходящего, сколько от страха за то, что всё это и правда могло бы с нами произойти. Да, собственно, в том или ином виде происходит уже прямо сейчас — в нашем обществе, развращённом уютом и потреблением, где мы, «нормальные взрослые», уже настолько лживы, фальшивы и бесчеловечны, что наши собственные дети, не желая становиться нам подобными, готовы или руки на себя наложить, или...

Впрочем, читайте сами.

Вот вам, дети, звёздное небо Акисины, с первой же строчки говорит Саяка Мурата. А нравственный закон внутри вас уж поищите самостоятельно.

Но помните: время не ждёт. И вы сами станете мамами-папами уже очень скоро...

Если захотите, конечно. Кто же вам запретит?

Глава 1

Меж огромных гор вокруг деревушки Акиси́на⁶, где живут Дедуля с Бабулей, обрывки ночных теней не рассеиваются даже к полудню.

Мы лавируем по извилинам серпантина. За окном проносятся, качаясь под ветром, деревья – и я всё вглядываюсь в темноту, набухающую под листьями так, словно вот-вот взорвётся. Эта крошечная мгла цвета Космоса не рассасывается никогда. Всю жизнь она завораживает меня – так, что хочется протянуть пальцы и проверить её на ощупь.

На сидении рядом мама разминает спину старшей сестре. – Ну? Так лучше, Кисэ? Вечно тебя укачивает на горных дорогах! Особенно здесь, в Нага́но...

Папа, не говоря ни слова, стискивает руль. Он старается вести машину как можно ровней, каждую минуту проверяя самочувствие нашей страдалицы в зеркале заднего вида.

Лично я со своими слабостями научилась справляться сама ещё классе в пятом. Например, поняла: чтобы не укачивало в дороге, лучше вглядываться в обрывки темноты за окном. Это я подметила ещё второклашкой – и с тех пор меня не мутит даже на крутых дорогах Нага́но. Сестрица же

⁶ Акиси́на (яп. 秋子) – название деревни, скорее всего, плод фантазии автора: на картах префектуры Нагано (как и всей Японии) такого топонима нет. Смысл иероглифов можно трактовать как «осенние высоты». *Здесь и далее – прим. перев.*

моя, даром что на два года старше, без маминой ладошки на спинке не доедет вообще никуда.

Резкий поворот, потом ещё, всё выше и выше... Уши закладывает – и я чувствую, что с каждым виражом становлюсь ближе к небу. К бездонному Космосу, рядом с которым и обитает наша Бабуля.

Я прижимаю к груди рюкзак, на дне которого аккуратно уложены волшебная указка из оригами и косметичка-трансформер с волшебным зеркальцем внутри. А сверху на них сидит Пыют – мой верный друг и соратник, который и подарил мне эти магические орудия. На Пыуте лежит заклятье чёрных сил, и он не может разговаривать по-человечески, но, например, от укачивания защищает меня и без всяких слов.

Хотя никто из домашних об этом не знает, я – ведьма. В шесть лет, ещё первоклашкой⁷, я встретила Пыута в мини-маркете возле станции. Просто увидела, как он сидит на краю полки мягких игрушек – с таким видом, будто его сейчас выкинут, – и тут же купила его на деньги из отосидáмы⁸. А когда привела его домой, он тут же предложил мне

⁷ В японскую школу дети идут с 6 лет. Учебный год начинается в апреле. Летние каникулы – с 20 июля по 1 сентября.

⁸ Отосидáма (яп. ###, букв. «сокровище года») – карманные деньги, которые дарят детям на Новый год. В древности – синтоистский ритуал подношения новогоднему божеству Тосигáми (##, японский аналог Деда Мороза) круглых рисовых лепёшек. В новогоднюю ночь эти лепёшки готовят силами местного храма при участии жителей, а затем их ломают на равные части и раздают всем пришедшим.

стать ведьмой и передал для этого инструмент. Сам же он прибыл с планеты Попихамбóпия по заданию тамошней Полиции Ведьм, чтобы изучить и предотвратить опасность, нависшую над земляноидами. А теперь ещё и я защищаю нашу планету в звании Младшей Ведьмы.

Единственный, кто знает эту тайну, – мой двоюродный братец Юу⁹. Скорей бы увидеться с ним! С прошлого года не слышала его голоса. Как жаль, что мы с Юу можем встречаться лишь раз в году, когда приезжаем сюда на Обóн!¹⁰

На мне моя любимая майка – цвета индиго, со звёздами. Я купила её на новогодние деньги специально для этого дня.

– Держитесь крепче! – командует папа. Мы влетаем в самый крутой поворот серпантина, и всё, что в машине, резко заваливается вбок.

– Бу-э-э! – вякает сестрица и зажимает ладонью рот.

– Открой все окна! – требует мама. Папа нажимает кноп-

⁹ Имя Юу (*яп.* ##, юу) – как мужское, так и женское – буквально переводится как «космическая причина». По иероглифам отчётливо напоминает перевёртыш термина «открытый космос» (##, утю:), что и использует автор в дальнейшем ходе повествования.

¹⁰ Обóн (*яп.* ##) – японский праздник поминовения усопших. В зависимости от префектуры отмечается в июле или в августе (7 дней 7-го месяца либо по лунному, либо по солнечному календарю) и продолжается до одной недели. Считается, что в самое жаркое время года души предков посещают своих родных, поэтому вся Япония стремится вернуться к своим семейным могилам. Тогда же проводится «Фестиваль фонарей»: у входа в каждое жилище зажигают бумажные фонари, подсказывая «гостям с того света» дорогу к дому; в храмах проводится чтение священных книг, подносятся дары к алтарям, а на главных улицах городов исполняется массовый танец бон-одóри, призванный успокоить души предков.

ку, и стекло перед моими глазами сползает вниз. Свежий, прохладный ветер нежно гладит меня по щекам и наполняет машину запахом листьев.

– Ну как? Ну что? Тебе лучше? – разносятся по салону мамины причитанья. Папа выключает кондиционер. И объявляет:

– Следующий поворот – последний!

Я машинально ощупываю грудь. А ведь ещё год назад этих холмиков не было и в помине...

Значит, даже в четвёртом классе я была не такой, как теперь? С Юу мы одноклассники. Что же он подумает, когда увидит меня в этот раз?

Уже совсем скоро мы приедем к Бабуле. И там меня ждёт мой бойфренд... Кожа по всему телу раскаляется, и я подставляю лицо под волны свежего ветра.

* * *

Да, мы с двоюродным братцем Юу – тайные любовники навсегда.

Когда это началось у меня – точно не знаю. Юу нравился мне давно, задолго до того, как стал моим бойфрендом. Лето за летом, справляя вместе Обон, мы становились всё ближе. И когда праздник заканчивался, мы снова разъезжа-

лись по домам – он к себе в Ямагáту, я обратно в Тiбу¹¹, – но ощущение, что он где-то внутри меня, так и не отпускало. Наоборот: *тень присутствия Юу* загустевала во мне всё сильнее, и, когда я уже готова была взорваться от желания увидеть его, наступало очередное лето.

Настоящую же клятву верности мы принесли друг другу в третьем классе. Меж рисовых полей протекала речка, на которой наши дядьки сложили запруду из камней – глубиной по колено, чтобы все могли искупаться.

– Ай!

В бурной речке я не удержалась на ногах и шлёпнулась в воду.

– Берегись, Нáцуки! Самое сильное течение всегда в середине! – сказал Юу с важным видом, протягивая мне руку. Об этом правиле я, конечно, слышала в школе, но в жизни бы не подумала, что оно касается даже таких мелких речек, как наша.

– Всё! Ненавижу воду! На суше веселей...

По каменным ступенькам я выбралась из воды, отыскала запрятанную меж камней косметичку, нацепила сандалии. Затем поднялась ещё выше на берег – и как была, в купальнике, побрела в сторону дома. Моя косметичка, нагретая лучами солнца, казалась живым существом. Шлёпая по тро-

¹¹ Тиба (яп. 市) – бывший пригород Токио на побережье Токийского залива. С 1992 года получил статус отдельного города и административного центра префектуры Тиба.

пинке сандалиями, я услышала, как Юу догоняет меня.

– Нацуки! Погоди...

– Отстань! – почему-то закричала я на него, хотя психовать было вроде не с чего.

Догнав меня, Юу нагнулся к траве, нарвал каких-то листьев. А затем сунул один в рот и стал жевать. Увидев это, я всполошилась:

– Юу, ты что? Нельзя это есть! Отравишься!

– Не бойся! Это щавель, он съедобный. Мне дядюшка Тэруёси объяснил.

Он вручил мне листочек. Я с большой опаской надкусила.

– Ух ты... Кисло!

– Кисло, но вкусно.

– И где ты его находишь?

– Да он же повсюду растёт!

Мы побрели вверх по склону к дому, собирая щавель, а потом уселись на солнышке бок о бок и стали его жевать. Мокрый купальник противно лип к телу, но щавель и правда был приятен на вкус. Немного повеселев, я сказала:

– Спасибо, что рассказал... Тогда я тоже открою тебе свою тайну.

– Тайну?

– В общем... На самом деле я – ведьма. Могу менять своё тело с помощью косметички-трансформера. И вызывать магию указкой из оригами.

– Какую магию?

– Самую разную! Но круче всех та, что разит врага напо-
вал.

– Какого врага?

– Ну, видишь ли... Обычный человек, наверно, не заме-
чает, но этот мир населяет очень много врагов. Чёрных ма-
гов, монстров, упырей... А я – земляноид. Моя задача – за-
щищать от них нашу Землю.

Я открыла косметичку, достала Пьюта, показала ему.

– Это Пьют, – объяснила я. – Выглядит как обычный плю-
шевый ёжик, но на самом деле он агент Ведьмопола с пла-
неты Попихамбопия. Это от него я получила указку и транс-
формер, чтобы тоже стать ведьмой.

Юу слушал мои объяснения с очень серьёзным видом.

– Это же круто, Нацуки! То есть ты оберегаешь Землю,
чтобы все могли спать спокойно?

– Ну да.

– А эта... *Попохамия*, или как её там... что за планета?

– Попихамбопия... Точно не знаю. Пьют говорит, эта ин-
формация засекречена.

– Ну дела...

«Значит, чужая планета ему интересней моего колдов-
ства?» – подумала я. И заглянула в его глаза.

– Ты чего?

– Эм-м-м... Ну, в общем, тогда я тоже признаюсь... Толь-
ко тебе! Очень похоже на то, что я тоже пришелец.

– Че-го-о?!

Я чуть не подскочила на месте. Но он оставался серьёзен.

– Мицуко часто мне так говорит. Что я пришелец из космоса. Что меня бросили инопланетяне, когда их звездолёт совершил вынужденную посадку. Здесь, в горах Акисины. Где она меня и нашла...

– Ох, ни фиги себе!

Мицуко – это мать Юу. Младшая сестра моего папы, то есть моя тётя. Настоящая красавица. Такая же застенчивая и серьёзная, как Юу: никогда не соврёт, даже в шутку.

– А ещё... В ящике моего стола хранится камень. Не помню, чтобы я когда-нибудь его находил. Плоский и чёрный, как смола. И такой гладкий, что аж блестит. Больше никогда в жизни таких не видал! Вот я и думаю... А может, и этот камень – с моей *настоящей* родины?

– Ух ты! Получается, я ведьма, а ты пришелец?

– Ну... У меня всё-таки нет вещественных доказательств, как у тебя.

– А чего доказывать? Всё и так ясно... А может, вы с Пьютом вообще однопланетники? Вот было бы круто! Представляешь, у вас обоих одна родина, Попихамбопия!

От восторга я подалась вперёд.

– Как знать, – кивнул Юу. – Но если так – хотел бы я туда вернуться!

Я чуть не выронила косметичку.

– А? Ты о чём это?

– Каждый раз, приехав сюда на Обон, я украдкой продол-

жаю поиски того звездолёта. Но никак не найду... А что, если связаться с ними через Пьюта? Может, они всё-таки заберут меня?

При мысли о том, что Юу может исчезнуть, я чуть не расплакалась.

– Значит, однажды... ты просто исчезнешь?

– Скорее всего. Да и для Мицуко так будет лучше. Я ведь ей не настоящий сын, раз меня бросили инопланетяне.

Тут я всё-таки разревелась, и он стал гладить меня по спине, пытаюсь утешить.

– Нацуки, не реви...

– Но я тебя люблю. И не хочу, чтобы ты исчезал!

– Но они всё равно прилетят за мной, рано или поздно. Всё-таки я жду их уже столько лет!

От этих слов я зарыдала ещё безутешней.

– Ох, прости! Что же я болтаю... Нацуки! Пока я ещё на Земле, я сделаю всё, что пожелаешь! Здесь, у Бабули, я здорово успокаиваюсь. Наверно, потому, что здесь ближе к открытому Космосу – а значит, и к моей родине. Ну и конечно, потому что здесь ты.

– Ну тогда... Обещай, что будешь моим бойфрендом, пока не улетишь на свою планету!

– Обещаю! – тут же кивает он.

– Ты согласен? Правда согласен?

– О да. Я ведь тоже тебя люблю, Нацуки.

Вот тогда мы сцепили мизинцы и торжественно пообеща-

ли:

- 1. Никому не рассказывать, что я ведьма.*
- 2. Никому не рассказывать, что Юу инопланетянин.*
- 3. Ни в кого другого не влюбляться, даже когда кончится лето, а на следующий Обон обязательно снова встретиться в Акисине.*

Не успели наши мизинцы расцепиться, как слышались шаги. Я тут же спрятала Пьюта и косметичку в рюкзак.

Это был дядюшка Тэруёси.

– Так вот вы где?! А я уж думал, вас унесло течением!

Этот наш дядюшка самый весёлый и любит играть с детьми.

– Прости-ите! – протянули мы оба. Рассмеявшись, он потрепал нас по затылкам.

– О! Щавель жуёте? Кисло, но вкусно?

– Ага.

– Что, Нацуки? Нравится щавель? Значит, ты тоже горная женщина... А теперь все за мной! Бабуля нарезала персиков. Всех зовёт к столу!

– Ура-а!

И мы двинули к дому уже втроём. А на моём пальце ещё не растаяло прикосновение мизинца Юу, и щёки пылали так, что пришлось добежать до калитки पहले всех, лишь бы этого никто не заметил. Да и Юу был сам не свой – семенил

за мной, глядя в землю.

С тех пор мы с Юу тайные любовники. Ведьма и пришелец вместе навсегда. Покуда нас не разлучит Открытый Космос.

* * *

Прихожая в Бабулином доме длинная и просторная, как отдельный зал. Вдоль её задней стены тянутся раздвижные ширмы-сёдзи, и каждое лето я боюсь ошибиться створкой и войти куда-нибудь не туда.

– Это мы-ы! – закричала мама, поскольку папа молчал как рыба.

Вокруг пахло персиками и виноградом. И ещё – совсем слабо – какими-то животными. Да, соседи разводят коров, но они далеко. Значит, таким странным запахом веет изнутри дома? То есть – от нас, от людей?

– А-а, наконец-то! Заходите скорей... Такая жара! – услышали мы. Створка отъехала, из-за неё показалась женщина лет сорока. Видимо, кто-то из моих тётушек – хотя встречались ли мы раньше, я так и не поняла. Когда навещаешь родовое гнездо раз в году, все эти взрослые кажутся на одно лицо.

– Кисэ! Нацуки! Как же вы подросли!

В прихожую выбежали ещё три вроде-бы-моих тётушки. Все они оживлённо защебетали, а мама стала кланяться, приветствуя одну за другой. Кажется, это надолго, подумала

я и вздохнула. Каждая тётя опускалась перед мамой на колени, упирала руки в татами и простиралась в ответном поклоне. Папа, застыв у двери, рассеянно изучал потолок.

Наконец откуда-то из самой глубины дома выплыли Бабуля с Дедулей, опираясь на какого-то мужчину лет пятидесяти. Еле согнув спину в поклоне, Бабуля прошамкала:

– Ну что? Добрались наконец?

А Дедуля, завидев меня, рассеянно прищурился:

– О... Мисáко?.. Уже такая большая?

– Эй, дедушка! Это На́цуки! – поправила очередная тётушка, похлопав старика по спине.

– Что-то вы долго! – улыбнулся папе дядюшка Тэруёси. – В пробках, небось, намаялись?

Дядюшка Тэруёси любит возиться с детьми, и уж его-то мы узнаём всегда.

– Эй, бандиты! Встречайте Кисэ и Нацуки! – крикнул он на весь дом, и через несколько секунд к нам подтянулись трое мальчишек. То были сыновья дядюшки Тэруёси – мои троюродные братья. Жуткие сорванцы, которых все взрослые вечно ругают за какие-нибудь шалости. Самый старший, Ёта, на два года младше меня, то есть теперь – третьеклассник.

Нас с сестрицей эти братья разглядывали настороженно, как опасливые зверьки. И хотя я сразу узнала каждого, с прошлого года все они здорово изменились. Черты их лиц словно расплзлись от центра к краям, носы вытянулись, тела

окрепли.

Конечно, своего Юу я не перепутаю ни с кем и никогда. А вот остальных моих кузенов (у большинства из которых давно уже свои дети) на свете так много, что при встрече с ними я вечно боюсь обознаться. С этой же троицей мы встречались каждое лето и успевали неплохо сдружиться – но проходил год, мы снова отдалялись друг от друга, и всю нашу дружбу приходилось начинать сначала. А из-за того, что взрослые болтали всякие глупости – «Эй, ну чего вы стесняетесь? Смотрите, какие красавицы!» и так далее, – Ёта с братьями зажимались ещё сильнее и какое-то время держали нас на расстоянии вытянутой руки.

– Привет! – сказала я первой.

– При... вет, – смущённо отозвались все трое.

– Кстати, Юу тоже здесь! – вставил дядюшка Тэруёси. – Всё спрашивал, когда вы приедете. Скучал, похоже!

Я с безразличным видом поправила шнурок косметички у себя на плече. Чем спокойней реагировать, тем скорее отстанут.

– Да ладно! И где же он сам?

– Да вроде возится с заданием на лето.

– Небось, на чердаке, как обычно... Любит он там пропадать! – добавила моя троюродная сестрица Сáки – высокая девушка гораздо старше меня. На руках она держала младенца. Саки – старшая из дочерей (все три замужем) тётушки Рицуко, папиной старшей сестры.

Но этого младенца я видела впервые. Странное ощущение – видеть человеческое существо, которого год назад вообще не было на свете. А малявка, что цепляется той же матери за коленку, – должно быть, Мива, которая ещё прошлым летом сама была грудничком.

Мне никогда не хватало ни сил, ни памяти запомнить все эти лица и имена – даже тех, кто примерно моего возраста, не говоря уже о потомстве бесчисленных дядь и тёть, – и с каждым визитом сюда приходилось заучивать всё это снова. Пока же я просто повторяла то, что делала мама, – кланялась всем, кто появится перед глазами.

– А Мицуко здесь?

– Хлопочет на кухне...

– Но куда пропал Юу? – удивилась тётушка Рицуко. – Всё утро только и спрашивал о Нацуки! Может, так устал её дожидаться, что заснул?

– Да уж! – хохотнул дядюшка Тэруёси. – Эта парочка у нас из лета в лето не разлей вода... Правда, Нацуки?

Подобную чушь они повторяли из года в год, но именно теперь, когда мы с Юу стали тайными любовниками, я смутилась сильнее прежнего. И, не найдя что ответить, уставилась в пол.

– Не говори! – откликнулась очередная тётушка. – Прямо близнецы!

Из года в год они обожали повторять на все лады, что я почему-то не похожа ни на родителей, ни на сестру, а вот

с Юу – просто одно лицо.

– Ох! Да что же мы всё в прихожей? Кисэ, Нацуки! Проходите скорей! Устали, небось? – прокудахтала очень толстая тётушка, которой я уж точно сроду не встречала, и зачем-то похлопала в ладоши.

– Да уж... – кивнул папа.

– Заносите вещи, располагайтесь! Ваша комната дальняя, в ближней спит Ямагата. А в дальнюю уже заселилась Фукуо́ка. Но только на одну ночь – завтра они уезжают... Вы же потерпите, ничего?

– Да, конечно. Спасибо! – ответил папа, снимая обувь, и я поспешила за ним.

В Бабулином доме все семьи нашего рода называют по префектурам их проживания: Фукуо́ка, Ямага́та, Ти́ба... Ещё и поэтому имена тётушек-дядюшек не задерживаются у меня в голове. Но у всех этих людей есть и свои персональные имена, не так ли? Почему же ими никто не пользуется?

– Кисэ, Нацуки! Сначала – поклоны предкам!

Прилежно кивнув, я проследовала за сестрой к семейному алтарю – в комнату между гостиной и кухней. Мы с Юу называли её алтарной.

Коридор в Бабулином доме только один – бежит по всему первому этажу в умывальную. А вдоль него тянутся шесть комнат, по три слева и справа, включая гостиную и две спальни с татами, которые переходят одна в другую, разделяясь только ширмами-сёдзи.

Алтарная же комната совсем крохотная, в шесть татами¹², примерно как моя спальня в нашем новом доме на окраине Тибы. Главный семейный шалун Ёта любит называть алтарную «комнатой привидений», чтобы лишний раз напугать младших братьев. Но лично я в этих стенах всегда успокаиваюсь. Наверное, чую, как духи предков оберегают меня.

Подражая родителям, мы с сестрой зажгли по ароматической палочке, поднесли к алтарю. В нашей городской квартире алтаря не было, и я ни разу не видела его в домах у друзей. А этот запах встречала только здесь, в Бабулином доме, – и ещё на праздниках в храме. Обожаю этот аромат¹³.

– Эй, Кисэ... Ты чего?

Не успели мы воткнуть благовония в чашу с пеплом, как сестра вдруг схватилась за голову и медленно осела на пол.

– Ой! Что это с ней?

– Ничего страшного... Просто укачало в горах.

– Ну надо же!

– Ох! От нашей дороги и взрослых-то с непривычки тошнит!

Тётушки захихикали, прикрывая ладонями губы и трясясь от смеха. А уже к ним присоединилась и парочка двоюродных братьев. Таких кузенов у меня только по отцу с де-

¹² Татами (яп. #) – толстый соломенный мат, мера площади пола в помещениях; 1 татами = 90 × 180 см (1,62 м²). Здесь речь идёт о комнатке порядка 9 м².

¹³ Японские благовония (о-сэнкó, яп. ####) изготавливают в основном из ароматических смол сандала и некоторых подвидов лавра.

сяток, не меньше. Всех в лицо не упомнишь, хоть тресни. Окажись среди них инопланетянин – никто бы и не заметил.

– Кисэ? Что, совсем плохо?! – воскликнула мама, когда сестра зажала рукою рот.

– Ей бы проблеваться. Сразу легче станет! – сказала какая-то тётушка.

– Уж простите нас... – пробормотала мама, низко опустив голову, и повела Кисэ в туалет.

– Ой, да ладно! Неужто наша дорога и правда такая ужасная? – удивилась ещё одна тётушка.

– Если укачивает – вышла бы из машины да топала пешком!

С трудом выбираясь из алтарной в объятиях мамы, сестра бросила на меня отчаянный взгляд.

– Может, и ты сходишь с ними? – спросила я, повернувшись к папе. Мне было жаль сестру. Всё-таки у меня есть Пьют, а у неё вообще никого. Разве в такие минуты ребёнку не нужна поддержка отца?

– Сами справятся, – буркнул папа. Но, услышав, как дочь разрыдалась в голос, всё же вскочил и побежал помогать. Убедившись, что оба родителя с ней, я с облегчением вздохнула.

«Семейный монолит»... Это странное выражение я встретила в книжке из школьной библиотеки. И вспоминаю его всякий раз, когда смотрю на родителей и сестру со стороны. Втроём, без меня, они куда удачнее смахивают на образцо-

вую семью. Вот я и решила: пускай и дальше живут своим «монолитом», как им нравится. Но по возможности без моего участия.

Как стать невидимой – меня научил Пьют. То есть не то чтобы совсем невидимой. Просто затаиваешь до предела дыхание – и *отключаешь своё присутствие*. Так, что тебя перестают замечать. Стоило мне провернуть этот фокус, как они тут же сбились в кучку и превратились в счастливое гнёздышко на троих. Ради блага семьи я частенько использую эту магию.

– Ты, Нацуки, Бабулина внучка, – не раз говорила мама. – А вот сестра твоя больше любит море, чем горы... Вся в меня!

С Бабулей мама никогда особо не ладила – и моих вос-
торгов насчёт очередной поездки в Акисину не разделяла. А сестра, вторя маме, вечно болтала про Акисину всякие гадости, за что мама, ясное дело, обожала свою «старшенькую» ещё сильнее.

Я собрала наш багаж, потащила наверх. От мысли, что Юу ждёт меня там, замирало сердце.

– Нацуки, одна справишься? – слышалось за спиной.

– Конечно, – кивнула я, поправляя рюкзак на ходу.

Лестница в Бабулином доме была совсем не похожа на нашу в Тибе. Крутая, как стремянка, без рук не подняться никак. Карабкаясь по ней, я каждый раз превращалась в кошку.

– Смотри, осторожней там! – не унималась очередная тё-

тушка.

– Ладно... – буркнула я, не оборачиваясь.

На втором этаже терпко пахло татами и пылью. Я прошла в дальнюю комнату, сгрузила вещи на пол.

Если верить дядюшке Тэруёси, раньше в этой комнате хранили тутовых шелкопрядов. Десятки бамбуковых лотков с тысячами яиц, из которых вылуплялись личинки. Постепенно те расплозились по всему этажу, и, когда пришла пора сворачивать коконы, гусеницы уже заполонили весь дом.

В школьной библиотеке я заглянула в энциклопедию и посмотрела, как эти создания выглядят. Взрослый шелкопряд – это огромный белый мотылёк. Самая прекрасная из всех бабочек, каких я только встречала. О том, что из них добывают шёлк, я, конечно, слыхала и раньше, но как из них получают нить и что с ними происходит потом – понятия не имела. Какое же это, наверно, фантастическое зрелище, когда столько белоснежных крылышек порхает по всему дому! Что говорить, во всём Бабулином доме я больше всего любила эту сказочную комнату, где когда-то стройными рядами укладывали куколки шелкопряда.

Выйдя из «шелкопрядной», я задвинула за собой дверь – и тут где-то рядом скрипнула половица.

Наверху был кто-то ещё.

Я подкралась к соседней комнате – самой дальней на этаже и совершенно заброшенной. Той, что все называют чердаком, хотя она и располагается на одном уровне с остальными.

Отодвинула сёдзи – и передо мной распахнулась огромная чёрная пустота. Здесь были собраны игрушки, в которые когда-то играли мои папа, дядя и тётя, и старые детские книжки. И мы, уже нынешние дети, обожали забираться сюда в поисках сокровищ.

– Юу? – спросила я темноту.

Каждый, кто посещает чердак, всегда возвращается с чёрными пятками, так что нам разрешено заходить туда только в шлёпанцах для веранды. Но я не могла медлить ни секунды. Просто сняла носки – и шагнула во мглу босиком.

– Юу! Ты здесь?

Глаза наконец различили микролампочку от конструктора – совсем крошечную, с ноготь мизинца. То был единственный источник света на чердаке даже днём. И я двинулась на этот огонёк.

Раздался шорох, и я чуть не закричала.

– Кто это? – послышался тихий голос.

– Юу? Это я, Нацуки!

Из непроглядного мрака показался чей-то маленький силуэт.

– Нацуки? Ну наконец-то!

В тусклом отсвете проступили черты лица Юу.

Я бросилась к нему.

– Ох, Юу! Я так скучала!

– Тише ты! – Спohватившись, он прикрыл мне ладошкой рот. – Услышат Ёта или Бабуля – нам крышка!

– Да уж... Наша клятва по-прежнему в тайне, так ведь?

Юу посмотрел на меня – то ли испуганно, то ли смущённо. За минувший год он, похоже, совсем не подрос. Может, эти инопланетяне вообще не меняются с возрастом? Но его карие глаза и тонкую шею я узнала даже во мраке.

– Вот мы и снова вместе...

– Целый год пролетел, Нацуки! Я тоже ужасно скучал... Дядюшка Тэруёси сказал, что ты приедешь сегодня, и я встал пораньше, чтобы сразу тебя встретить. А потом он сказал, что вы застряли в пробке. Вот я и...

– Сбежал на чердак и играешь сам с собой?

– Ну не с ними же! Такая тоска...

Мне вдруг почудилось: а ведь он не только расти перестал. Но ещё и ужас в размерах! Тот же Ёта за этот год возмужал и окреп, а у моего бойфренда по жизни что шея, что руки стали будто ещё костлявей... Или меня тревожит, что сама я немного подросла, а Юу стал ещё больше похож на призрака?

Я вцепилась в подол его белой майки. Кончики моих пальцев почти не уловили тепла его кожи. Может, температура тела у инопланетян в принципе ниже, чем у землян? Наши пальцы сплелись, но мои были куда жарче.

– Этим летом ты останешься до Прощальных Огней?¹⁴ –

¹⁴ Прощальный Огонь (*яп.* ####, Окури-би) – заключительная церемония языческого праздника Обон. Согласно верованиям Синто, всю неделю Обона духи усопших предков гостят среди людей, а затем возвращаются в загробный мир. Чтобы принять их со всеми почестями, люди устраивают факельные шествия

спросила я, стискивая его прохладные пальцы как можно крепче. Он кивнул.

– Да! В этом году Мицуко взяла большой отпуск. Остаёмся на весь Обон...

– Отлично!

О том, чтобы сын не называл её «мамой», Мицуко попросила сама.

Тётушка Мицуко, самая младшая из папиных сестёр, разошлась с мужем тремя годами ранее и с тех пор сюсюкает с сыном, как с любовничком. Когда Юу рассказал мне, что она каждый вечер просит поцеловать её в щёчку перед сном, я взяла с него клятву, что *настоящий* поцелуй он всё-таки прибережёт для меня.

– А ты, Нацуки?

– И я до конца Обона!

– Ну круто! Значит, фейерверки будем вместе пускать. Дядюшка Тэруёси в этом году закупил та-а-акие ракетищи... Вот на Прощальных Огнях и запустим!

– И бенгальские! – с восторгом подхватила я. – Обожаю бенгальские!

Юу чуть заметно улыбнулся.

– А в этом году ты пойдёшь искать свой звездолёт?

и фейерверки, а перед воротами храмов и на склонах ближайших гор разводят огромные костры: в первую ночь – «приветальные» (мука́э-би), в последнюю – «прощальные» (оку́ри-би). Традиционно считается, что именно в седьмую ночь Обона (в большинстве префектур – в ночь на 16 августа) заканчивается лето и начинается осень.

– Конечно. Как только время будет.

– Но ты же не сразу на нём улетишь, правда?

Он кивнул.

– Не сразу. Обещаю: если найду – не улечу, пока не попрощаюсь с тобой!

Я с облегчением вздохнула.

Да, Юу твёрдо решил: если найдёт потерявший его звездолёт – умотает на свою планету. Много раз я приставала к нему с просьбой забрать и меня с собой. Но он лишь повторял, что когда-нибудь обязательно за мной вернётся. Юу, конечно, застенчивый, но сила воли у него что надо.

Мне постоянно казалось, что этот парень может исчезнуть в любую минуту. Вот бы и мне оказаться инопланетянкой, думала я. И страшно завидовала Юу. Ведь ему было куда возвращаться.

– А ещё... Ёта собирается втайне от взрослых открыть колодец.

– Колодец? Который запечатали навсегда? О, я тоже хочу посмотреть!

– Вот и посмотрим! А дядюшка Тэруёси обещал в последнюю ночь повести нас смотреть светлячков.

– Ура!

Юу всегда был очень серьёзный. Всё, что казалось ему необычным, старался изучить как можно подробнее. А дядюшка Тэруёси обожал рассказывать истории о Бабулином доме и родной деревне. Что удивляться, если из всех детей

в округе дядюшка чаще возился именно с Юу.

– Юу! Нацуки! – слышался снизу крик какой-то из тётушек. – Спускайтесь есть холодный арбуз!

– Пойдём?

Взявшись за руки, мы вышли из чердака на свет.

– Ладно... – сказал Юу. – Ещё нагуляемся, да?

– А то!

Я кивнула. Щёки мои запылали. Радость от того, что мы снова вместе, накрывала меня с головой.

* * *

У папы целых пять братьев и сестёр, и на каждый Обон съезжается столько родни, что Бабулин дом ходит ходуном. В столовую все приехавшие не влезли бы никак, поэтому для общих трапез используют обе гостевые комнаты в конце коридора – убирают между ними перегородки, а в получившемся зале собирают длиннющий обеденный стол с подушками для сидения на полу.

Вокруг нас вечно ползают насекомые, но это никого не раздражает. Заведись у нас дома, в Тибе, хоть одна несчастная мушка – и с мамой тут же случилась бы паническая атака; но здесь, у Бабули, ни ей, ни сестрице даже в голову не приходит расстраиваться из-за каких-то жучков. И хотя мальчишки с утра до вечера так и шлёпают вокруг мухобойками, все эти мухи, кузнечики и прочие мелкие твари, каких

я раньше и в глаза не видела, продолжают копошиться по всем углам, и меньше их не становится.

Все девочки вменяемого возраста отправились на кухню – помогать с приготовлением ужина. Даже сестрица, придя в себя, села чистить картошку. Мне же поручили накладывать рис. Передо мной стояли бок о бок сразу две рисоварки. Я наполняла чашку за чашкой, а тётушка Мэри и шестилетняя Ами, дочка одного из моих старших кузенов, уносили их на подносах в трапезную и подавали на стол.

– Пе-ервая па-артия ри-иса-а! Па-аберегись!

Тётушка Мари отодвинула кухонную дверь, и они с Ами понесли еду мимо семейного алтаря к столу, за которым уже сидели все наши дяди.

– Хватит ворон считать! Накладывай как полагается! – закричала на меня мама, отвернувшись на пару секунд от кастрюль на плите.

– Да ладно тебе! Нацуки прекрасно справляется... – заступилась за меня Бабуля, нарезая кубиками эгó – местное желе из водорослей, плотное как резина, и вонючее, как перебродившие бобы, которые я на дух не переношу.

– Ох, если бы! – Мама покачала головой. – Эта девочка безнадежна. Что ни поручай – ничего не выполнит как положено! А следить за ней с утра до вечера никаких нервов не хватит... Вот Юри – другой разговор, такая умничка! А сколько ей уже? Двенадцать?

К тому, что мама считает меня «безнадежной», я давно

привыкла. Но сейчас она права: у хорошей хозяйки рис остаётся воздушным, рассыпчатым и лежит в чашке красивой горкой, а не навален сплюсненными комочками, как у меня.

– Ну вот, полюбуйтесь! Кто так накладывает? Уж лучше бы Юри доверили! Наша-то совсем неумеха...

И мама горестно вздохнула.

– Ну что ты говоришь! Она прекрасно справляется! – польстила мне очередная тётушка. И я, собрав всю волю в кулак, стала накладывать рис так, чтоб никто ко мне больше не прицепился.

– А эта красная чашка – дядюшки Тэруёси, так что положи побольше! – шепнула тётушка. И уж эту чашку я наполнила до краёв.

– Темнеет уже! Скоро на фестиваль...

– О да! Сегодня же Привечание...

Из болтовни окружающих тётушек я уловила, что все куда-то спешат, и ещё проворней потянулась за очередной чашкой. Как вдруг дядюшка Тэруёси закричал уже из прихожей:

– Э-эй! Все на Привечальный Огонь!

– Ну вот, уже пора! – встрепенулась тётушка. – Нацуки, мы тут сами управимся. Беги на праздник!

– Ладно...

Я отдала тётушке лопатку для риса и встала.

Снаружи свербело от насекомых. Ночь совсем загустела, и мир за кухонным окошком стал цвета открытого космоса.

Дядюшка Тэруёси собрал детей и повёл нас всех на берег реки – зажигать Привечальный Огонь. Юу тащил незажжённую бумажную лампу, а я карманным фонариком освещала нам путь.

Горы Акисины лежали во мгле, а речка, в которой так весело плескаться днём, теперь сочилась такой чернотой, словно хотела нас проглотить. На берегу дядюшка Тэруёси сгрузил с плеч на землю сноп соломы, зажёг его – и наши лица засияли во мраке оранжевым пламенем. А дядюшка Тэруёси, глядя в огонь, прокричал:

– О, Великие Предки! Найдите путь к нашему Огню!¹⁵

И мы, все хором, тут же повторили за ним:

– *Го-сэндзё-сама! Дёока, коно-хи но то́коро-ни оидэ’-ку-дасай!*

В чёрной бездне ночи наши голоса звучали особенно чётко.

Не сводя глаз с пылающего снопа, дядюшка Тэруёси хриплым шёпотом произнёс:

– Ну вот!.. Похоже, они уже здесь!.. Ёта, зажигай лампу!

Малышка Ами испуганно вскрикнула. Дядюшка тут же зашипел на неё:

¹⁵ Иероглифы японского язычества Синто́ (яп. ##, синто) буквально означают «Путь Духов».

– Тише ты! Напугаешь Предков – они не придут!

Я нервно сглотнула.

Пламя от снопа бережно доставили к лампе. Когда же та разгорелась, Ёта поднял её – и, балансируя на ходу, понёс до самого дома под сдавленные вопли дядюшки Тэруёси. «Только не погаси!»

– Дядюшка! Значит, наши Предки сейчас там, в этом пламени? – уточнила я. Он тут же кивнул:

– О да... Все они собрались на наш огонёк!

Как только Ёта затащил бесценный груз в прихожую, из гостевой навстречу ему выпорхнули тётушки, сгибаясь в поклонах:

– Осторожно-осторожно!

– Следи, чтоб не гасла!

Под их причитанья Ёта донёс горящую лампу через весь коридор до алтарной. От её пламени дядюшка Тэруёси зажёл свечу – и водрузил огонь на семейный алтарь.

Алтарную полочку по случаю Обона украшали огурец и баклажан. И тот и другой – на четырёх ножках из одноразовых палочек для еды. Первый изображал лошадь, на которой можно быстрее вернуться в родное гнездо, а второй – корошу, которая не торопится покидать этот мир слишком быстро. Услышав, что на этих животных будут разъезжать сами Предки, малышки Ами и Юри смастерили обе фигурки ещё к обеду.

– Ну вот... – сказал дядюшка Тэруёси. – Теперь наши

Предки там, где горит это пламя! Нацуки, следи за свечой. Заметишь, что догорает, – скорее меняй на другую. Если это пламя погаснет, Предки потеряют ориентир, и им станет очень неуютно!

– Хорошо...

А папа с дядюшками, рассевшись в трапезной за длинным столом, уже открывали сакэ, и женщины суестились с подачей ужина.

Нас с сестрицей усадили за стол с остальными детьми. Перед нами стояли большие тарелки с дикоросами и тушёными овощами.

– Хочу гамбургер! – завопил Ёта. И сразу же получил подзатыльник от дядюшки Тэруёси – своего отца.

– А где ты его увидел?

На краешек блюда с варёной саранчой¹⁶ запрыгнул кузнецик.

– Ёта! Убери его...

Поймав попрыгунчика в обе ладошки, Ёта явно собрался выпустить его на улицу.

– С ума сошёл? – остановил его дядюшка. – Откроешь сёдзи – налетит мошкара!

– Давайте я скормлю его пауку! – предложила я. И, поднявшись из-за стола, бережно взяла из рук Ёты зелёного по-

¹⁶ Традиционная горячая закуска в горных районах префектуры Нагано. Взрослая саранча размером до 3–4 см варится в соевом соусе с сахаром. По вкусу напоминает мясо креветок.

прыгунчика. А затем отнесла его на кухню и аккуратно воткнула в паутинку чуть выше плинтуса. Тот особо не сопротивлялся – пару раз дёрнул крылышками, да и затих.

– Шикарное угощение! – усмехнулся Юу за моей спиной.

– Интересно, сможет ли паук сожрать столько сразу?

Паук, похоже, при виде такой огромной добычи здорово растерялся. Ну а мы вернулись к столу и набросились на саранчу у себя на тарелках. Та была странной, но сладковатой и легонько похрустывала на зубах. «Приступил ли к ужину паук?» – думала я, не переставая жевать.

Ночью весь дом окутало звуками насекомых. Некоторые дети похрапывали, но существа снаружи раздражали меня сильнее людей.

Когда спишь в деревне, если зажечь слабый свет – сетки на окнах тут же облепят полчища насекомых, и в комнате станет вообще ничего не видеть. У себя дома я привыкла спать со включённым ночником и в этой призрачной полутьме ворочалась под одеялом от страха. Единственное, что успокаивало, – мысль о том, что Юу сопит где-то рядом, по ту сторону сёдзи, совсем недалеко от меня.

А потусторонние жизни всё прижимались к окнам снаружи. Ночью их присутствие ощущалось особенно чётко – и, хотя было страшно, каждая клеточка моей плоти так и зудела от возбуждения.

Наутро сестра закатила истерику.

– Хочу домой! – визжала она сквозь слёзы. – Ненавижу здесь всё! Поедем обратно, сейчас же!

У моей сестрицы повышенная волосатость, поэтому в школе её дразнят «кроманьонкой». Об этом рассказала мне Канáэ, чья сестра из одного класса с моей. Да и мои ровесники не раз кричали мне в спину:

– Эй! Это твоя сестрёнка – кроманьонка?

Школу она ненавидела и прогуливала нещадно. Обычная история: пора уже из дому выходить, а она ещё носа не высунула из спальни. Да так и валяется потом дома весь день под заботливым маминым крылышком.

И уж для неё-то летние каникулы, по идее, должны были стать отдушиной. Но в первый же вечер Ёта спросил у одной из тётушек, зачем Кисэ отращивает усы. Остальные тётушки очень быстро об этом узнали – и утром, во время завтрака, ворвались в столовую целой толпой, дабы убедиться в услышанном своими глазами. Кисэ, понятно, тут же забилась в конвульсиях.

– Ты видишь, Ёта, что случается, если девочек дразнить?! – возмутилась одна из тётушек. – Немедленно проси у Кисэ прощения!

Ёта разревелся и стал извиняться, размазывая слёзы по

щекам. Но рыданий сестрицы это не уняло.

– Ну что с ними делать... Кисэ, деточка!.. И часто у тебя такие приступы? – запричитали всё тётушки наперебой.

А Кисэ вцепилась в маму и больше не отходила от неё ни на шаг. Мало того – как и при каждом стрессе, её начало тошнить. Весь остаток дня она повторяла: «Мне плохо! Поедем домой!» – и к вечеру мама забила тревогу.

– Бесполезно! Её уже лихорадит. Давай вернёмся?

– Ну что ж... Если всё так плохо... – беспомощно развёл руками папа.

А Ёта всё ходил за сестрицей по пятам, как привидение, и стenal.

– Прости-и меня, Кисэ-э... Прости-и! – только и повторял он, хотя ей от этого легче не становилось.

– Разбаловали вы её! – покачал головой дядюшка Такахи́ро. Но дядюшка Тэруёси сказал:

– Ну зачем так спешить? Здесь свежий воздух. Выспится хорошенько и сразу повеселеет! Правда, Кисэ?

Но сколько принцессу ни уговаривали, оставаться она не хотела ни в какую, и в итоге мама сломалась.

– Утром поедем домой! – объявила она устало. Мне же только и оставалось, что кивнуть.

* * *

В шесть утра, как условлено, мы с Юу встретились за ста-

рым сараем.

– Ну? Куда пойдём?

– На кладбище.

– Зачем?! – удивился он.

– Юу! Сегодня мне придётся уехать. И я просто должна попросить тебя... Пожалуйста, женись на мне!

От такой «просьбы» Юу оторопел.

– Жениться? – эхом отозвался он.

– Но мы же не увидимся аж до следующего лета! Я смогу это пережить, только если мы будем женаты... Прошу тебя!

Услышав, как я самоубийственно серьёзна, Юу кивнул.

– Ладно. Давай поженимся, Нацуки.

И мы, на цыпочках выскользнув за ворота, понеслись по тропинке меж рисовых полей к семейному кладбищу.

Добежав до могил¹⁷, я спустила на землю рюкзак, вынула Пьюта и примостила на каменной полочке для подношений.

– О, пастор Пьют! – попросила я. – Донеси нашу молитву до Предков!

– А они точно нас не накажут? – нахмурился было Юу.

– За что же им наказывать парочку влюблённых, которые

¹⁷ В современной Японии покойников почти никогда не хоронят в земле. Как правило (около 99 % случаев), их кремируют в деревянных гробах, а уже урны с прахом погребают в компактных могилах, чаще всего семейных. Такая практика объясняется как дороговизной земли для индивидуальных могил, так и требованиями национально-экологической гигиены. Семейные же мини-кладбища обычно напоминают миниатюрные мавзолеи, оформляются как синтоистские молельни и оснащаются алтарной полочкой для подношений (в виде амулетов, саке, сигарет или прочих бытовых вещей, которые усопший любил при жизни).

хотят пожениться? – удивилась я.

Саму же молитву я пищала голосом Пьюта, поскольку сам он говорить не умел.

– О, Великие Предки! Свяжите этих двоих узами брака! Юу Сасамото... Клянёшься ли ты любить Нацуки Сасамото и готов ли быть вечной её опорой – в здравии и хвори, в радости и горе, покуда смерть не разлучит вас?

Тут Юу завис, и мне пришлось шепнуть ему на ухо:

– Ну? Клянись давай!

– Д-да, клянусь!

– Хорошо же! А ты, Нацуки Сасамото, клянёшься ли любить Юу Сасамото и быть вечной поддержкой – в здравии и хвори, в радости и горе, покуда смерть не разлучит вас?.. Да! Клянусь!

И я достала из косметички пару колец, которые смастерила из проволоки накануне.

– Юу! Надевай мне вот это на палец.

– Угу...

Холодной рукой он надел мне на палец колечко.

– А теперь давай я тебе! – сказала я и осторожно, боясь оцарапать, натянула на его бледный как снег безымянный палец второе кольцо. – Ну вот! Теперь мы женаты!

– Ух ты... То есть я взаправду твой муж?

– А как же? Не какой-нибудь там любовник, а самый реальный муж! Теперь, даже когда не вместе, мы – одна семья!

Юу чуть заметно насупился.

– Новая семья – это хорошо... Я рад, – выдавил он наконец. – А то Мицуко, если сердится, сразу грозит выгнать меня из дома. Обратно к инопланетянам.

– А давай придумаем Клятву? Как те обещания прошлым летом, когда мы стали любовниками. Но теперь-то мы поженились, и Клятва нужна настоящая!

– Ну давай...

Я достала из косметички блокнот и розовой ручкой стала записывать то, что сама же сочиняла вслух.

ОБРУЧАЛЬНАЯ КЛЯТВА:

1) Не держаться за руки ни с кем другим.

– Что... даже на фестивале? – удивился Юу. – А в хоровах?

– Ну, хороводы не в счёт! Главное – не хвататься за руки, когда вокруг никого!

Юу покорно кивнул.

– Ясно.

2) Не снимать кольцо даже на время сна.

– Какое? Вот это?

– Ну да... Я, между прочим, эти кольца ночью заколдовала! Так что, даже когда мы не вместе, наши пальцы соединены. Перед тем как заснуть, мы будем смотреть на кольца, вспоминать друг о друге и... всегда спокойно засыпать.

– Понял.

– Ну, что ещё? В чём ещё, по-твоему, нам нужно поклясться?

Чуть подумав, Юу взял у меня розовую ручку. И убористым почерком приписал:

3) Выживать, чего бы это ни стоило.

– Ты о чём? – удивилась я.

– О том, чтобы ничто не помешало нам увидаться через год. Как бы всё ни сложилось – мы обязательно встретимся, если будем живы!

Я впечатлилась.

– О да...

Текст нашей Клятвы мы решили хранить у него. Я же пока живу с мамой с сестрой, которые обожают выкидывать мои вещи, когда меня нет дома. Конечно, Юу сбережёт такой важный документ куда лучше.

– Смотри не нарушай эту Клятву, что бы ни случилось. И следующим летом жди меня здесь непременно!

– Угу...

Спрятав наши кольца в карманы, мы вернулись в Бабулин дом. Дразнящий аромат мисо¹⁸ защекотал нам ноздри уже в

¹⁸ Мисо (яп. ##) – популярный продукт японской кухни: густая паста рыжеватого-бурых оттенков из перебродивших соевых бобов, риса и пшеницы. Ферментация достигается с помощью особых плесневых грибов *Aspergillus oryzae* (яп. ##, кóдзи-кин). Используется как основа для заваривания «фирменного» японского

прихожей.

При виде нас у Бабули округлились глаза.

– Вот это да... Нацуки? Юу? Вы уже встали?

– Ага! Мы искали цветочные образцы. Для моего ботанического проекта! – использовала я отмазку, сочинённую ещё вчера перед сном.

– Какие молодцы! – впечатлилась Бабуля. – Ах да! Я совсем забыла... Погодите-ка!

Сказав так, Бабуля скрылась в гостиной – и тут же вернулась со своим портмоне, из которого достала два конверта из красиво расшитой ткани. Понятно, с деньгами.

– Вот, Нацуки! Тут немного, но... купи себе какую-нибудь игрушку.

– Спаси-ибо!

– А это тебе, Юу.

На Обон взрослые часто дарят нам небольшие конвертики из бумаги или такой вот ткани. Кто и сколько подарил – мы должны сообщать маме, но денежки эти наши и больше ничьи.

Лично я откладывала деньги на то, чтобы когда-нибудь съездить к Юу в Ямагату. Так что сразу упрятала свёрток на самое дно рюкзака.

И тут сверху спустилась мама.

– О! Уже встала? – сказала она, заведя меня. – Отлично. Сразу после завтрака выезжаем, так что ступай собирайся.

Твоей сестре по-прежнему плохо. А врача посреди Обона придётся ещё поискать!

– Ладно... – буркнула я.

Мама согнулась в поклоне перед Бабулей.

– Уж простите, матушка, что не сможем побыть до конца!

– Ну что ты, что ты! Раз уж бедняжка Кисэ у нас такая хвора...

Я посмотрела на Юу. Неужели я *никак* не могу остаться до Прощального Огня? И разве папа не говорил, что раз в день отсюда вроде бы ходит какой-то автобус?

– Мам! А может, я побуду ещё немного и вернусь на автобусе? – робко пискнула я.

Но мама лишь скользнула по мне измученным взглядом.

– Не болтай ерунды. Иди собирайся... Тебе ли не знать: если с твоей сестрой случится истерика, несдобровать никому!

– Но есть же автобус...

– Хватит, я сказала! – рассвирепела мама. – Ещё только тебя на мою голову не хватало!

– Прости...

Ну что ж, рассудила я. Не буду мешать «семейке» жить своей жизнью. Я ведь только что вышла замуж! Теперь, когда я сама по себе, этой троице будет куда удобней сливаться в семейном экстазе...

Мысль о том, что я теперь замужем, заряжала меня чудесной энергией. Я опять посмотрела на Юу. Наши взгляды

встретились. Он легонько кивнул.

Вот тогда-то я и призвала свои колдовские чары, заклиная всех духов, демонов и богов, чтобы следующим летом мы с Юу встретились, что бы с нами ни произошло...

По всему дому пробежал лёгкий скрип половиц – и утро наконец-то настало. На взгляд с веранды, от черноты Открытого Космоса в небе не оставалось уже ни следа.

* * *

В машине воняло расплавленной резиной.

– Открой окно! Проветри как следует! – командовала мама, массируя спину сестре.

Я ехала на переднем сиденье, глядя в окно. Пейзаж снаружи становился всё скучней и обыденней. Понемногу замелькали дома.

Папа всю дорогу молчал. А мама, себя не помня, удерживала сестру от припадка.

Тяжкое это бремя – семья, подумала я. И сжала покрепче колечко в кармане.

Закрыв глаза, я стала думать о Юу. И в привычной тьме по ту сторону век замерцали призрачные огоньки, похожие на далёкие звёзды.

Похоже, я незаметно обучилась новому колдовству. И теперь даже за миллионы световых лет могу видеть, что творится на Попихамбопии, родине Юу. Если он когда-нибудь

найдёт потерявший его звездолёт, я обязательно улечу с ним. Потому что мы уже поженились, и он привезёт на родину молодую жену. Пьют, разумеется, тоже полетит туда с нами.

Не открывая глаз, я дрейфовала в Открытом Космосе. Чувствовала, как планета Попихамбопия подплывает ко мне всё ближе. И знала: пока я варюсь в этом зелье магии и любви, никто не посмеет ни обидеть меня, ни разрушить моё счастье с Юу.

Глава 2

Я живу на Фабрике по разведению людей.

Квадратные человечьи гнёзда на моей улице тянутся шеренгами, громоздятся одно над другим. Точь-в-точь как корзины с яйцами шелкопряда, про которые рассказывала Бабуля. И в каждом гнёздышке спаривается по самцу и самке, из которых появляются детёныши. В одном из таких гнёздышек живу и я.

Людей на Фабрике производят натуральных, из плоти и крови. А когда приходит время, нас, детёнышей, сортируют, упаковывают и рассылают по белу свету.

Всех разводимых детёнышей – и самочек, и самцов – на-таскивают прежде всего на то, чтобы они приносили в гнёзда корм. Они превращаются в безупречные инструменты, которые получают от других людей деньги, чтобы покупать корм для своих гнёзд. А чуть погода их детёныши вырастают, строят новые гнёзда, плодят там очередных детёнышей, и этому не видно конца...

Так я считала чуть ли не с раннего детства, и, когда в пятом классе у нас начались уроки полового воспитания, оказалось, что я как в воду глядела.

Моя утроба – компонент фабричного конвейера. Как и чей-то семенник, с которым я должна соединиться для производства очередных детёнышей. И все мы, самки с самца-

ми, ползаем туда-сюда меж бесчисленных гнёзд, стыдливо пряча свои компоненты от чужих глаз.

Я вышла замуж за Юу, но он инопланетянин, так что производить с ним детёнышей, наверное, не удастся. Если он не найдёт свой звездолёт, боюсь, что Фабрика заставит меня спариться с кем-то другим.

И пока этого не случилось – я заклинала все силы магии, чтобы звездолёт, потерявший Юу, всё-таки отыскался.

Пьют теперь спит в выдвижном ящике моего стола, где я устроила ему постель. А я пользуюсь магической указкой и косметичкой-трансформером, которыми он оснастил меня для дальнейшего колдовства. Ибо ничем, кроме магии, мою жизнь с мёртвой точки уже не сдвинуть.

* * *

Как только мы вернулись домой, я добежала до телефона в коридоре и позвонила своей лучшей подруге Сидзуке. Она зависла в городе на всю неделю Обона – и со дня моего отъезда уже помирала со скуки.

– Слушай, Нацуки, пойдёшь с нами завтра в бассейн? Мы собрались с Рёкой и Эми. Но ты же знаешь, я с Эми не очень-то... А с тобой, вчетвером, будет веселей по-любому! Полезем вместе на водную горку?

– Прости, но... у меня этой ночью «праздники» начались.

– Да что ты? Эх, жаль! Ну тогда, может, послезавтра схо-

дим блинчиков поесть?

– Вот это можно!

– А через неделю уже экстернат¹⁹, ты помнишь? Тоска-а! Хотя этот Игаса́ки-сэнсэй такой душка, скажи?

– Ха-ха-ха!..

Я сидела с трубкой в руке на полу, и было так здорово болтать с Сидзукой после долгого перерыва. Но тут меня пнули в спину.

– Ты ещё долго?!

Чуть не шмякнувшись на пол, я развернулась. Сзади стояла сестрица с перекошенной от злости физиономией. Вечно она вылезает из своей комнаты и пинает меня, когда я говорю с друзьями!

– Ох, Сидзука, прости... Кажется, моей сестре понадобился телефон!

– Да? Ну ладно... Тогда до послезавтра?

– Увидимся!

Как только я повесила трубку, сестрица процедила:

– От твоей трескотни меня снова знобит!

– Извини... – выдавила я.

Яростно хлопнув дверью, она снова затаилась у себя в логове. Теперь уже вылезет через часок, не раньше, прикинула я.

¹⁹ Школы-экстернаты, или так называемая образовательная система дзёку (яп. # – «зрелость») – необязательные, но популярные среди японцев платные курсы для детей, на которых им помогают лучше подготовиться к сдаче школьных экзаменов. Занятия в экстернатах проводятся 2–3 раза в неделю.

Я на цыпочках вернулась к себе. Натянула на палец кольцо – и долго его разглядывала.

Получается, наши с Юу пальцы сейчас сливаются воедино? Мне вдруг показалось, что мой палец с кольцом резко побледнел. Совсем как молочно-белый палец Юу, думала я, поглаживая свой безымянный.

Перед сном я не стала снимать колечка. А закрыв глаза, вновь увидела Открытый Космос. Мне так хотелось скорее вернуться в эту чёрную бездну. Планета Попихамбопия, на которой я никогда в жизни ещё не была, становилась мне всё роднее и ближе.

* * *

Собираясь в экстернат, я, поколебавшись, всё-таки надела чёрный батник навыпуск. И застегнула на нём все пуговицы до самого горла. Несмотря на короткий рукав, получилось жарковато.

Я взяла портфель, сунула в него Пьюта – и уже спускалась по лестнице, когда меня увидела мама. Лицо её тут же перекошилось.

– Ну ты и вырядилась... Как на похороны собралась!

– Хм.

– Да... Умеешь ты нагнать тоску, – вздохнула мама. – Когда и так уже сил никаких не осталось.

Ни в одном человеческом гнёздышке не обойтись без му-

сорного ведра. В нашем же доме мусорное ведро – это я. Когда у мамы, папы или сестрицы в душе скапливается много дряни, они с радостью вываливают её на меня.

Мама уже стояла в дверях, собираясь отнести соседям очередной циркуляр из ЖЭКа. Так что на улицу мы вышли вместе.

– О, Нацуки! – окликнула меня через ограду соседка. – В экстернат собралась? Смотри-ка! Уже такая взрослая...

– Если бы! – нервно засмеялась мама в ответ. – Этой неумёхе что ни поручи – всё переделывать приходится! Глаз да глаз за ней нужен, с утра до вечера!

– Да что вы?! – Лицо у соседки вытянулось. – Но... это же не так, да? Скажи, деточка!

– Всё так... – буркнула я. – Мама права.

Да, пока я не включаю свою магию, я действительно жуткая размазня. С малых лет. Неуклюжая и некрасивая. На взгляд обитателей Фабрики – бракованный инструмент.

Но мама, уже распалившись, продолжала кричать на весь переулок:

– Да вы сами сравните: вон соседская Рика – такая умница... А нашу учи, не учи – всё равно. Что в лоб, что по лбу! Ничего доверить нельзя! Не ребёнок, а камень на шее!

И мама шмякнула меня по затылку циркуляром для ЖЭКа. Она вообще часто бьёт меня по голове. Говорит, что раз уж я такой тормоз, немного встряски моей голове не помешает. И что от моей пустой головы исходит приятный гул.

Наверное, так и есть... По крайней мере, от циркуляра и правда гудело знатно.

– А как выглядит, как одевается? Вот, полюбуйте! Да кто ж из нормальных людей такую замуж возьмёт?

Я кивнула.

– Это верно...

Раз уж человек, который меня породил, считает меня пу-
стоголовой, значит, так оно и есть, подумала я. И замечания
сестрицы о том, что я не только загоняю людей в депрессию,
но ещё и порчу на них навожу, похоже, не праздное зубо-
скальство.

– Простите меня! – сказала я соседке, сгибаясь в поклоне.

– Да нет же, постой... – растерялась та. – Всё совсем не так!

– Мне нужно идти! – добавила я, поклонилась ещё раз,
вскочила на велосипед и помчалась в летнюю школу.

– Ну вот! Видели? – неслоь мне в спину. – И в кого она такая – ума не приложу!

* * *

Крутя педали мимо одинаковых домиков, я в который раз
поражалась: как же они похожи на гнёзда! Точь-в-точь как
гигантский кокон, на который мы с Юу однажды наткнулись
в горах Акисины.

Да, именно так: весь этот город – огромный кокон. Гнез-

довье личинок для Фабрики по производству людей. А я – их будущий элемент, и предназначений у меня для Фабрики сразу два.

Во-первых, если я буду прилежно учиться, то стану исправным обрабатывающим инструментом.

Во-вторых, если я буду очень стараться, то стану ещё и полезным репродуктивным агрегатом.

Полагаю, ни одного из этих назначений мне выполнить не дано.

* * *

Школа-экстернат располагалась на втором этаже городского Дома культуры, построенного возле станции два года назад. Занимала она две аудитории, до которых нужно было подниматься по лестнице босиком, разувшись при входе в здание. В классе подальше от лестницы готовили тех, кто собирался поступить в 6-й класс на «отлично». Ну а в том, что поближе, – учеников попроще, вроде меня, которые ни в какие звёзды не рвутся. Наши занятия вёл студент университета – молодой репетитор на подработке, которого звали Игасáки-сэнсэй.

Я припарковала велосипед, взлетела по лестнице, забежала в класс. Там все уже были в сборе. Сидзука помахала мне рукой – давай, мол, сюда! – и я подсела к ней. С конца июля, когда все разбрелись на каникулы, лица в классе здорово из-

менились: кто загорел, кто постригся, ну и так далее.

– Нацуки! Идёшь на фестиваль салют смотреть? Куча народу будет в юкатах²⁰, а ты?

– Ну я подумываю...

– Столько новых фасонов! Я себе уже выбрала. Помнишь те узоры из золотых рыбок? Просто класс!

Похоже, все ещё продолжали радоваться лету на всю катушку, но уже соскучились по старым друзьям. Аудитория из двадцати с лишним подростков гудела, как улей, от радостной болтовни, резких выкриков и смешков.

– Та-ак... Прошу тишины!

Дверь открылась, и в класс вошёл Игасаки-сэнсэй.

– Ва-ау! – радостно пропела Сидзука.

Игасаки-сэнсэй выглядел точь-в-точь как лидер культовой поп-группы. И многие девчонки, понятно, были от него без ума. А он, помимо смазливой внешности, обладал ещё и умением объяснять, так что на его уроках всегда было легко и интересно. Даже просыпалось желание стать инструментом покруче! В общем, я старалась на его уроках изо всех сил.

– Молодец, Нацуки! Обществоведение ты, кажется, подтянула? – спросил он вдруг у меня.

– Ну да... – выдохнула я, лишь бы ответить учителю.

Он погладил меня по голове. И даже когда отнял ладонь,

²⁰ Юката (яп. 浴衣, букв. «одежда для ванны») – летнее повседневное кимоно без подкладки (хлопчатобумажное, льняное или пеньковое), с прямыми швами и широкими рукавами. Бывает как мужская, так и женская, носят её и дома, и на улице. Особо нарядные юкаты часто надевают на общегородские фестивали.

кожа под волосами продолжала зудеть и пощипывать.

– Ты могла бы чуть позже помочь мне с распечаткой заданий?

– Да... Конечно!

Сэнсэй всё чаще давал мне какие-нибудь внеклассные задания. Вот и сегодня, на зависть Сидзуке, я осталась с ним после уроков.

– У тебя ужасная осанка, Нацуки, – сказал мне сэнсэй. Его пальцы скользнули мне за шиворот, пробежались по моим позвонкам и чуть надавили на косточку меж лопаток. – Вот так... А шею вытягивай! Иначе заработаешь сколиоз и будешь страдать всю жизнь! Поняла?

– Да...

Лишь бы увернуться от его пальцев, я вытянулась в струнку.

– Вот! Теперь то, что надо! А пупок чуть втяни...

Его рука потянулась к моему животу, но я успела отстраниться.

– Ты чего? – удивился он. – Учитель ставит тебе осанку... Держи себя в руках, иначе ничего не выйдет!

Его пальцы уже гладили застёжку моего лифчика. Я застыла, как свечка, и не смела пошевелиться.

– Ну вот! Продолжай в том же духе.

Его руки наконец отпустили меня. Но напряжение из тела не уходило.

На прощанье он сказал мне:

– А трусики, Нацуки, лучше надевай белые, а не ярко-розовые. Нельзя, чтоб они просвечивали сквозь одежду всем парням на обозрение.

– Я поняла...

Схватив портфель, я выскочила на улицу и, оседлав велосипед, понеслась без оглядки домой.

Насчёт моих трусиков Игасаки-сэнсэй проходил уже не впервые. Но я и так сегодня нацепила чёрный батник! И что же? Ему и этого мало?

* * *

Очень трудно объяснить словами то, что кажется странным *совсем чуть-чуть*.

Но Игасаки-сэнсэй и правда был *совсем чуть-чуть странноват*.

В экстернат, помимо основной школы, я ходила с пятого класса. Игасаки-сэнсэй подтягивал нас по основным предметам – и делал это здорово; но *чуть странноватым* казался мне вот уже второй год.

Или, может, я просто это насочиняла? Расшалилась фантазия? С кем не бывает?

Я крутила педали изо всех сил, как вдруг заметила: кто-то впереди машет мне рукой. Притормозив, я поняла, что это госпожа Синódзука, мой классный руководитель.

– Добрый вечер, сэнсэй!

– Ты откуда это, Нацуки? Не поздновато ли?

– Из экстерната!

– Вот как? Ну тогда ладно...

Госпоже Синодзуке было лет пятьдесят, и за глаза все называли её Зуботычкой. А всё потому, что нижняя челюсть у неё выдавалась вперёд, а сама она часто плакала или впадала в истерику, превращая свои уроки в гневные проповеди. Вся школа укладкой насмеялась над нею – так же, как и над моей сестрой.

– Кстати, Нацуки! Я закончила проверять ваши июльские тесты. С последней работой ты справилась замечательно!

– Что?.. Правда?!

– Раньше ты с арифметикой не очень дружила, верно? А на этот раз – почти совсем без ошибок!

Я страшно обрадовалась. Конечно, порой Зуботычка истерит не по-детски, но если уж ставит хорошие оценки – не скупится и на похвалы.

– Со сложением больших чисел пока ещё тормозишь... Но если возьмёшь себя в руки – станешь отличницей, так и знай!

– Спасибо огромное!

Ученики редко благодарили Зуботычку за что бы то ни было. И моё пылкое «спасибо», кажется, пришлось ей по душе.

– Кто старается – всего добивается! – улыбнулась она в ответ.

Дома меня не то что хвалить – замечать никто не хотел.

Надо же, как дико я изголодалась по комплиментам! Пусть даже меня хвалила главная истеричка нашего городка, в груди стало жарко, а в глазах защипало.

Может, и впрямь поднажать с учёбой? И превратиться в ребёнка, которого эти взрослые наконец-то сочтут *удачным*, то есть полезным для них же самих? Может, хотя бы тогда, несмотря на мою непригодность, меня не выкинут из этого дома? К жизни дикарём я уж точно не приспособлена. И если всё-таки выкинут – там, снаружи, меня ждёт разве только голодная смерть...

– Тогда постараюсь ещё сильнее! – отчеканила я. Так решительно, что госпожа Синодзука оторопела.

– Н-ну да... Стараться – это всегда... хорошо, – протянула она. – Осторожней на поворотах!

И, помахав мне ещё раз, зашагала своей дорогой.

Злые языки считали её старой девой, опоздавшей на последний поезд. Болтали, что она западает на физкультурника, Акимото-сэнсэя. Да сами же фыркали: можно подумать, у этой мегеры есть хоть какой-нибудь шанс...

Взрослым, конечно, тоже несладко. Нас, детей, они любят оценивать по степени нашей полезности, но ведь их самих, насколько я вижу, оценивают точно так же. Госпожа Синодзука очень старательно служит обрабатывающим инструментом. А вот репродуктивной функции, похоже, лишена. Её задача – обтачивание таких шестерёнок, как я. Но справляется ли она со своей задачей – опять же решает Фабрика...

Вывод один: *лишь научившись кормить себя сам, ты можешь не бояться, что тебя выкинут за ненужностью.*

Налегая на педали, я понеслась домой. С очередной домашкой в портфеле. Скорей бы уже переделать их все, выучиться покруче – и стать ещё одной полезной запчастью Большого Мира!

* * *

Дома я тут же зависла над страничкой календаря.

Последний день каникул. «Ещё 347», – было нацарапано под сегодняшней датой.

С начала Обона прошло 18 дней. И лишь через 347 дней я снова увижусь с Юу.

Держаться мне помогала любовь. При одной мысли о Юу боль отступала, как под наркозом.

Жаль, что я не могу быть инопланетянкой, как Юу, подумала я. Да, мы оба живём, как паразиты, на иждивении у родителей. Но я, в отличие от Юу, своей *инопланетностью* похвастать, увы, не могу.

Я села за стол, погрузилась в домашку. Скорее бы сделать так, чтобы свою плошку риса я добывала сама! Ради этого я готова подчиняться самым безумным правилам этого мира.

Я вышла в гостиную. Мама выглядела совсем разбитой.

– Мам? А хочешь, ужин сготовлю я?

– Вот ещё! – отозвалась она, даже не повернув головы. –

Не суй нос куда не просят!

– Но ты же так устала. А сварганить какой-нибудь карри нас в школе давно уже научи...

– Я же сказала – нет! От твоей «помощи» только мне суеты прибавится. Сиди спокойно, я тебя умоляю.

Я кивнула. Она права: я действительно нарушила правила. С точки зрения семьи, от такой бездари, как я, просто не может исходить ничего позитивного. Дайте мне, духи, сил, чтобы я оставалась для них хотя бы нулём, не скатываясь в минус...

– Вечно ты так. Ни на что не способна, а гонору – до небес!

– О да...

Бранить меня мама любила, когда психовала из-за чего-то ещё. И вовсе не ставила целью исправить меня для моего же блага. Просто ей до зарезу нужна была груша для битья. Она выбирала меня – и словами, точно пинками, постепенно приводила себя в порядок.

Днём она вкалывает на отечественную фармацевтику, а вечерами выполняет материнский долг, выращивая нас с сестрой. Не жизнь, а ежедневный подвиг, от которого даже такой замечательный человек, как она, конечно же, устаёт как лошадь...

– Ты хоть понимаешь, что каждому в этой семье приходится тебя терпеть? – продолжала мама, выплёвывая каждое слово. Да, конечно, молча кивнула я – и медленно стиснула кулаки.

Этой магией я овладела совсем недавно. Зажимая в кулаках большие пальцы, я могу выдавливать на свет темноту. И если хорошо постараться, темнота получается цвета Открытого Космоса.

Обожаю разглядывать темноту своих рук. Летом, когда натренируюсь получше, обязательно покажу это Юу...

– Что ты там лыбишься?! – тут же заорала мама. – Смотреть противно!

Время Груши закончилось. Настало Время Мусорного Ведро.

Я вернулась к себе, плюхнулась на кровать. Чем скорей я перестану быть семейной обузой и превращусь в полезный для общества инструмент, тем будет лучше для всех. А если освою побольше магии – глядишь, даже смогу зачем-нибудь пригодиться этому миру.

Открыв косметичку, я пристально изучила своё отражение в зеркальце. Убедилась: моя трансформация, пускай и очень медленная, всё-таки происходит...

И я ощутила себя непобедимой. Поднялась с кровати, села за стол – и без малейшего облачка на душе вернулась к учёбе.

Возможно, всё дело в магии, но с домашкой я разделалась на удивление быстро. При этом так и чудилось, будто из моих пальцев, сжимающих карандаш, исходит загадочное сияние.

Наступила весна, и я перешла в шестой класс. Долгожданное лето приближалось с каждой минутой. Остаток дней до встречи с Юу стал наконец-то двузначным. Я бросала взгляд на календарь – и радость от мысли, что мы скоро увидимся, накрывала меня с головой.

В маминой аптеке я оказалась случайно: сестра попросила меня купить ей глазные капли. Подойдя к полкам, я поискала взглядом нужную упаковку – и в просвете меж стеллажей увидела маму. Конечно же, она не была никаким фармацевтом. Просто работала на полставки, расставляя на полках товар.

Я уже собралась подбежать к ней и спросить насчёт капель. Но в этот миг молоденькая девица за кассой закричала на всю аптеку:

– Сасамото-сан! Ну где же вы? Займитесь уже шампунями!

Услышав это, мама странно скривилась – и, нервно пятясь, исчезла в глубине зала.

– Эта Сасамото – вылитая Годзилла! – добавила девица, понизив голос. – Такая стрёмная...

Я вздрогнула. На секунду почудилось, будто говорят обо мне.

– Не говори, – вздохнула её напарница за соседней кас-

сой. – Вся на нервах, взрывается по любому пустяку... Убиться легче!

Я подумала, что ослышалась. «Годзилла Сасамото»?!

Вот оно как. Значит, сестра у меня – кроманьонка, а мама – рептилия. Что ж, одна кровь, куда деваться. Яблоко от яблони... Но на рабочем месте мама и правда держалась *стрёмно*.

Забыв про капли, я выбежала из аптеки. Но, обернувшись, ещё успела заметить, как мама возвращается в зал – в таком напряжении, будто её вот-вот разорвёт на куски.

* * *

Урок закончился, и я собралась уходить, но Игасаки-сэнсэй попросил меня задержаться.

Такого не случалось уже давненько. С начала моего шестого класса он больше ни разу не просил остаться с ним наедине, и в душе я уже упрекала себя за излишнюю подозрительность.

– Хорошо, – согласилась я. И прошла за ним в пустую аудиторию.

– Как по-твоему, что это? – спросил он и выложил передо мною на стол какой-то предмет. Что именно – я сообразила не сразу. Но это была гигиеническая прокладка. С пятнами крови. И эти розовые крылышки по краям были мне хорошо знакомы.

– Ровно час назад, Нацуки, ты выкинула это в туалете.
Я лишилась дара речи.

Да, у меня начались месячные. На перемене я пошла в женский туалет и выбросила в треугольный мусорный бак использованную прокладку. Но... каким образом Игасакисэнсэй вычислил, что она моя?!

– Пойми, Нацуки. Моя работа – учить детей твоего возраста. Много чему учить. И этому тоже. *Такие* вещи ты выкидываешь неправильно. Видишь, несколько капелек проступило? Заворачивать нужно так, чтобы всё было идеально... Показываю, смотри!

Из коробки на столе он вытянул бумажную салфетку, ловко завернул в неё мою прокладку и помахал белоснежным свёртком у меня перед носом.

– Ну вот! Чистота и порядок, верно? И людей, которые за тобой убирают, не будет тошнить. Согласна?

– Да...

– Тогда попробуй сама.

– Что?

Он глядел на меня с мягкой улыбкой. Как и всегда.

– Смени прокладку так, как ты поняла. А учитель проверит.

– Сей... час?!

– Да! У тебя же есть с собой свежие, верно? Вот и меняй, прямо здесь и сейчас.

– ...

Я застыла. Из горла не вылетало ни словечка, хоть разорвись.

Он решил подбодрить меня:

– Что я всегда говорю на уроках? *«Научились? Пробуем!»*
Вот и сейчас то же самое! Что тут странного?

– Н-ничего.

– Тогда поторопись, пока не набежали первоклашки. У них тут скоро занятие!

Вздрогнув, я ватной рукой достала из портфеля косметичку. Подкатала край юбки. Стараясь, чтобы он ничего не увидел, приспустила трусы. Бежевые, для критических дней.

Трясущимися пальцами я извлекла из-под юбки прокладку. Завернула в салфетку со стола. Вставила новую. А использованную спрятала в косметичку.

– Ну вот! Теперь идеально...

Сейчас он погладит меня, догадалась я.

– Спасибо! – выпалила я и, согнувшись в поклоне, увернулась от его рук.

– По характеру ты послушная, позитивная... Такие дети, как правило, очень способны в учёбе! Главное – внимательно слушай учителя. Поняла?

– Да...

– Ну тогда до понедельника. Задание по математике на этот раз непростое. Будет непонятно – обращайся, я всегда помогу! Всё поняла?

Кивнув, я вылетела из класса.

Магия, магия, магия! Без неё никак. Магия тьмы, магия ветра – их много, но мне нужно выбрать одну. Какую именно – решит моё сердце, но для этого я должна заколдовать своё тело...

Прибежав домой, я рванула в ванную и долго мыла там руки. Прокладка меж ног перекрутилась, кровь лилась из меня ручейками. Вдруг почудилось, будто взгляд Игасаки-сэнсэя по-прежнему ощупывает меня с головы до пят.

– Ты чего это? Даже не поздоровалась!

Мама уже громоздилась у меня за спиной. Что ей сказать, я не знала. Слова застревали в горле.

– Эй, да у тебя синяк на ноге! Ты что, с велосипеда упала? – запричитала вдруг мама на редкость ласково. И озабоченно склонилась надо мной.

Сейчас или никогда, думаю я.

Магия, магия, магия... Магия смелости – вот моё заклинанье! Глубоко в сердце я повторяю это снова и снова. А трясущимися губами произношу:

– Мама... Этот сэнсэй... Он...

– Какой сэнсэй?

– Игасаки-сэнсэй, в экстернате, он странный... И раньше был, но сегодня – особенно!

– «Странный»? О чём ты?

– Ну он и раньше... трогал меня везде. Говорил, что выправляет мою осанку... А сегодня прицепился к тому, как я меняю прокладки!

Меж маминых бровей пролегла глубокая складка. Её настроение портилось на глазах.

– В смысле? Ты сделала что-то не так, и тебя отчитали?

– Да нет же, я не об этом! Станный, то есть ненормальный, понимаешь? И когда выправлял мне осанку, лапал меня не только сзади, но и спереди...

Как я ни старалась описать атмосферу, что окутывала Игасаки-сэнсэя в минуты его «странности», у меня не получалось, хоть плачь.

– Совсем отбилась от рук! – сказала мама. – Уж я-то вижу тебя насквозь. Что, получила нагоняй от учителя и в отместку наговариваешь на него? Ну ты и стерва...

– Нет, мама, нет! Он извращенец!

– Да с чего ты это взяла? Или ты серьёзно решила, что на твою недозрелую тушку может позариться взрослый мужик? Я тебя умоляю! Такое возможно только в твоих грязных снах. И кто из вас извращенец – ясно как день!

Мама бранила меня с такой ненавистью, что никаких слов в моей голове уже не осталось. Крепко зажмурившись, я стиснула кулаки.

– И где ты только набралась этой дряни? Нечем мозги занять – сиди занимайся, мерзавка! Всё поняла?!

Что-то больно треснуло меня по макушке. Распахнув гла-

за, я увидела маму со шлёпанцем в руке.

– Отвечай!

– Да... поняла.

Никогда ещё до этих пор мама не была меня всерьёз. Внутрь меня словно отключили рубильник. Сердце не чувствовало ничего. Никакой боли, как под наркозом.

– Что, опять какой-нибудь тест завалила и бесишься? А всё оттого, что в голове у тебя – шаром покати!.. Так или нет?.. Так или нет?!

Повторяя это, мама всё колотила шлёпанцем по моей голове – снова, и снова, и снова.

– Да... Ты права... Прости меня! – повторяла я, точно заклинание, именно те слова, которые хотела услышать мама.

Да, ты права. Прости меня. Да, ты права. Прости меня. Да, ты права. Прости меня. Да, ты права. Прости меня. Да, ты права.

Только не выгоняй меня из дому. Я выполню всё, что скажешь, только не выкидывай вон. Детёныши, брошенные взрослыми, погибают. Умоляю, не убивай меня...

Слово за словом, магия выкатывалась из моего рта: то ли бред, то ли заклинание, то ли проклятие, то ли мольба о пощаде.

Я должна использовать магию, чтобы выжить. Я должна опустеть и подчиниться... В моём портфеле – вон там, в ногах, – куча домашки... Я должна заняться ею – срочно, немедленно... Как можно скорее выучиться и превратиться

в ребёнка, который радует взрослых... А там и во взросло-го... который радует вообще всех вокруг...

Маму, похоже, заклинило. Она не может остановиться – и, как неисправный автомат, всё хлещет и хлещет меня шлём-панцем по лицу, голове, шее, спине. Но сердце моё в отклю-чке, и никакой боли я не ощущаю вообще. Затаив дыхание, я сжимаюсь в своём коконе, точно в капсуле под землёй, и дожидаясь прибытия в будущее.

Но как далеко в будущее лучше перенестись, чтобы всё-таки выжить?

«Выживать, чего бы это ни стоило» – написали мы с Юу на изнанке своих сердец. Но как долго мне ещё *выживать*? Начну ли я когда-нибудь просто *жить*?

Глядя на маму или на госпожу Синодзаки, я сильно в этом сомневаюсь. А мысль о том, что, возможно, и мне придётся *выживать*, как они, до последнего вздоха, доводит меня до полубоморока.

И всё-таки я говорю себе.

Ты должна как можно скорее стать инструментом Фабри-ки. Успей заточить на это свой мозг и натренировать тело, прежде чем эти взрослые выкинут тебя из своего звездолёта! И ради этого – прямо сейчас – переместись в очень близкое будущее. Например, туда, где мама уже успокоилась...

Вернувшись из школы, я сказала, что иду гулять с Сидзукой, и снова ушла на улицу.

Небо в нашем городке низкое, тусклое – до Открытого Космоса ему далеко. Но летние каникулы уже совсем скоро. До встречи с Юу осталось всего тридцать дней!

И я решила позвонить ему по телефонной карточке из автомата. Услышу голос Мицуко – тут же повешу трубку, подумала я.

– Сасамото слушает... – сказала трубка голосом Юу.

– Юу? Привет, это я!

– Нацу... ки?

От удивления он, кажется, даже икнул.

– Слушай внимательно, Юу! Меня посетил пришелец с твоей планеты... – Я стиснула трубку. – Недавно Пьюту удалось сорвать с себя заклятье, и он заговорил по-человечески. Это он тайком пригласил посланца с Попихамбопии в мою комнату! Прямо посреди ночи, прикинь?

Юу затаил дыхание. О том, что он меня слушает, говорило лишь слабое потрескивание на том конце линии. А я торопливо продолжала:

– Так вот, Юу! Этот пришелец сказал, что ваш звездолёт сейчас в Акисине! Ты говорил, что искал его где-то выше, в горах? А он ниже по склону! Помнишь, дядюшка Тэруё-

си рассказывал нам про старую молельню? Я сама там ещё не бывала, но звездолёт там. Туда-то мы и отправимся, как только я приеду!

– Нацуки, успокойся... Что случилось? Кто тебе это сказал?

– Ну я же говорю... Явился пришелец, ему срочно нужно было возвращаться назад, но он был с твоей планеты, и он знал про тебя. Вот я и решила тут же сообщить об этом тебе! А ещё он сказал, что в том звездолёте найдётся ещё одно место, так что ты запросто мог бы взять меня с собой...

Юу перевёл дух.

– Уф-ф... Прости! – наконец отозвался он. – Я так удивился, что сразу не въехал... Вот это круто! Значит, этим летом мы сможем вернуться домой?

Сколько правды было в том, что я говорю, я не знала сама. Вроде правда, а вроде враньё. Я понимала: окажись всё это враньём – Юу будет раздавлен. Но остановиться уже не могла.

– Ну да! Так что не забудь в конце четверти попрощаться со всеми друзьями. Потому что мы улетаем домой и уже не вернёмся.

– Ты тоже. Говори всем «пока» и собирай вещи к отлёту. В звездолёте, наверное, не побегаешь. Так что лучше возьми с собой какие-то игры...

– Да мне-то они зачем? Будем говорить с тобой – уж точно не заскучаем!

Тусклый мрак, заливавший ночное небо, напоминал размытую тушь. В такие светлые ночи незамеченной мне не уйти. Но я не желаю ждать ещё месяц. Я так хочу сбежать отсюда, прямо сейчас и немедленно, что закрываю глаза, переношусь в будущее на месяц вперёд, – и в иллюминаторах моих сомкнутых век зажигаются огни Обона и звёзды бездонного неба Акисины.

* * *

К началу августа я была уже вся как на иголках.

До Обона оставалась неделя.

Как всегда в эти дни, Соседский комитет устраивал во дворе младшей школы летний фестиваль. Завернувшись в юкату с узором из колокольчиков на ветру, я отправилась к фестивальному подмосткам. Там меня ждала Сидзука – в юкате с золотыми рыбками, которую мы выбрали для неё вместе ещё в прошлом году.

Дожидаясь меня, Сидзука грызла мороженое. А при моём появлении вдруг сказала осипшим голосом:

– Смотри! Вон там Игасаки-сэнсэй...

Я вздрогнула. И зачем-то стиснула в кулаке деревянную палочку от сладкой ваты.

– Эй! Пойдём поздороваемся?

– Стой... Не сейчас! Там вокруг него так и вьётся Рика, а с Рикой ты в контрах. Кому это надо?... Лучше пока убежим.

За мной! – воскликнула я и рванула в противоположную от сэнсэя сторону.

– Эй, погоди! – крикнула Сидзука, но побежала-таки за мной.

* * *

Я стояла, подпирая стену спортивного корпуса, в ожидании Сидзуки. От мороженого её желудок заледенел, и она пошла в туалет.

«Ну где она там?» – уже беспокоилась я, как вдруг кто-то схватил меня за руку.

– Добрый вечер, Нацуки!

С перепугу я чуть не заорала, но чудом сдержалась – и всё-таки поклонилась как положено.

– Добрый вечер, Игасаки-сэнсэй...

Руки у сэнсэя оказались потными и липкими, как свежая глина, а лицо – таким бледным, будто его покрывала белоснежная пудра. При виде этой безупречной кукольной маски, которую Сидзука считала «мужским идеалом», я покрылась гусиной кожей и запахла плотнее юкату на груди.

– Сидзука уже вышла из туалета, – сообщил он небрежно. – И теперь сидит у меня.

– Что-о?

– Здесь была очередь. Она боялась, что не дождётся. Ну я и пригласил её к себе. Мой дом – в двух шагах отсюда!

Сейчас она там. Отдыхает, наверно...

– Это правда?!

Но раз так, то... Как раз сегодня Сидзука говорила, что у неё тоже месячные. Неужели он и ей успел объяснить, как менять прокладки? Я содрогнулась. Нельзя оставлять её там одну! Я – ведьма. И для спасенья друзей должна использовать магию.

– Ну чего ты? – поторопил он меня. – Идём скорей!

Я вцепилась в Пьюта, спрятанного в рюкзачке, и не отпустила его всю дорогу, пока сэнсэй, стискивая мой локоть, тащил меня за собой. Не открывая рта, я твердила слова всех заклинаний, какие только приходили мне в голову:

Если магия со мной – враг не страшен никакой... Чёрной Мглою из горсти' можно Сидзуку спасти...

Я повторяла это на все лады, а бдительный Пьют, замерев под моими пальцами, анализировал обстановку.

– Ну вот, Нацуки! – пропел Игасаки-сэнсэй, когда мы добрались до его дома. – Милости прошу!

Насколько я слышала, родители сэнсэя на всё лето уехали по делам за границу, и сейчас он жил там один.

– Где Сидзука?

– Ах, Сидзука... Да сразу оклемалась и ушла! – ответил он как ни в чём не бывало. Так весело и естественно, что я обругала себя за то, что так легко дала себя одурачить. Но он и не думал скрывать свой обман. Напротив, даже гордился этим и никакого раскаяния не испытывал!

– Вот как?.. – выдавила я.

– А ты очень надёжный друг, Нацуки! – заметил он. – Это прекрасно... Любишь чёрный чай? У меня есть отличный, с клубничным привкусом. Ты пока посиди вот здесь, на диване, а я заварю!

Я молча села на диван и стала разглядывать коробку шоколадных конфет на столике перед носом. Коробка огромная, но ни конфетки ещё не съедено. Значит, Сидзука тоже воздержалась от угощения?

– Просто я подумал: а не позаниматься ли нам сегодня у меня?

Принесённый сэнсэем чай был сладким и пах клубникой.

– Ты знаешь, что такое минет, Нацуки?

– Ми... что?

– Ми-нет. Никогда не слышала? Так не пойдёт. Это совершенно необходимое умение для взрослого человека! Но сегодня учитель расскажет о нём специально для тебя...

Голос его звучал почти так же приветливо, как на уроках. Но почему-то мне стало страшно. «У самой-то мыслишки грязные, вот и приписываешь их всем вокруг!» – только и повторяет мама. Может, она права? И на самом деле это я должна сгорать от стыда, если принимаю такого милого, гостеприимного сэнсэя за похотливое чудовище?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.